

Мартьянов Петр Кузьмич

**Лопари и самоеды столичных
наших тундр. Эскизы и
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Кузьмич М.**
Лопари и самоеды столичных наших тундр. Эскизы и очерки / Мартянов Петр
Кузьмич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-519-95626-0

ISBN 978-5-519-95626-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

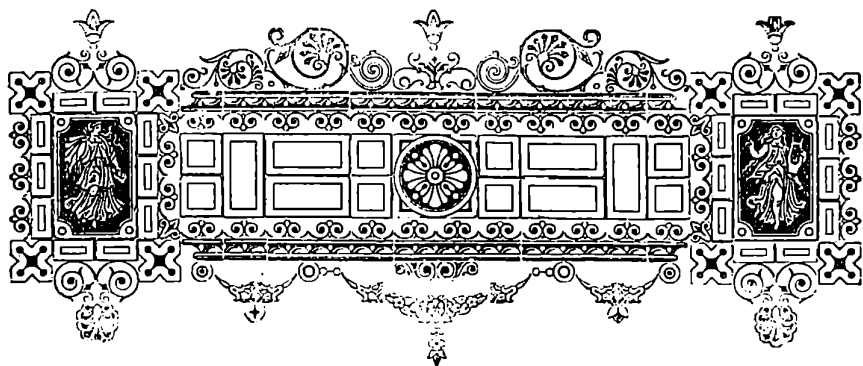
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУМЕЛИОТЬ.

Въ обществѣ онъ былъ извѣстенъ подѣ общей племенною кличкою—румелиоть. Въ интимныхъ же кружкахъ онъ слылъ за близкаго родственника князя Вогодиреса, говорили даже, что это—его побочный сынъ, прижитый имъ съ одною русскою барыней, жуировавшей по Европѣ, во время всеобщаго поклоненія наполеонизму послѣ Крымской войны, и присланный въ Россію отцомъ для окончанія образованія и составленія связей. Его звали Тодоръ Добропулаки, но на визитныхъ его карточкахъ, подѣ какой-то фантастической короной съ мантией и аллегорическими никому неизвѣстными звѣрями, въ родѣ апокалепсическихъ, значилось: *«Тодоръ Тодоровичъ Добровъ, изъ Филиппополя»*. На видѣ это чрезвычайно милый и симпатичный молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, высокій, стройный, красивый, съ большими черными на выкатѣ глазами и маленькими, тоненькими иглообразными черными же усиками. Его крупная мужественная фигура, смуглыя выразительныя черты лица, маленькія красивыя какъ-бы

выточенные руки, мягкій, звучный грудной голосъ, изящныя женственныя манеры, искренность и простота обращенія съ первой же встрѣчи располагали къ нему всякаго, а живой воспріимчивый отъ природы умъ, извѣстный свѣтскій лоскъ, предупредительность и любезность дѣлали его въ обществѣ пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ прекрасно танцевалъ, отлично дрался на рапирахъ и шпагахъ, стрѣлялъ въ туза, и считался однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ. Среди дамъ имѣлъ успѣхъ, по выраженію одного остряка, злокачественный.

Профессіи его никто не зналъ, да, кажется, онъ ни къ какой профессіи и не принадлежалъ. Брался за все, но по врожденной южанамъ живости характера, ни на чемъ сосредоточиться не могъ, и только вездѣ и всюду, какъ онъ самъ объяснялъ, испытывалъ свои львиныя силы.

Онъ гдѣ-то служилъ, т. е. былъ причисленъ къ какому то министерству, но нашель это несвойственнымъ своему характеру и вышелъ въ отставку. Состоялъ при какомъ-то присяжномъ повѣренномъ, въ качествѣ атташе, но скоро соскучился и бросилъ. Ударился въ технику и плавалъ съ Александровскимъ въ подводной лодкѣ, леталъ съ Костовичемъ въ воздушномъ шарѣ; когда-же въ техническомъ комитетѣ возгорѣлась война, штурмовалъ совѣтъ, и рекомендовалъ Кузьминскаго болгарамъ. Пошла мода на филантропію — и не было ни одного благотворительнаго общества, гдѣ-бы онъ не членствовалъ, заглядывалъ, по временамъ, на биржу, покровительствовалъ скотамъ, низходилъ въ міръ искусствъ, наукъ и художествъ, знакомился съ артистами и артист-

ками и самъ обращался, когда нужно было, въ любителя-лицедѣя. Но все это служило ему, для извѣстныхъ цѣлей, показною декоративною обстановкою, въ дѣйствительности-же онъ былъ болгарскимъ политическимъ корреспондентомъ, переписывался съ вожаками партіи дѣйствія и сообщалъ имъ все, что успѣвалъ здѣсь провѣдать.

Лучшимъ его другомъ считался драгоманъ Мильтиадъ-Бей, съ которымъ онъ постоянно гулялъ по Невскому подъ ручку. По вечерамъ къ нему собирались сербы, греки, румыны и вообще люди, которыхъ можно употребить для извѣстныхъ цѣлей.

Изъ всего и пзъ всѣхъ и cadaго онъ умѣлъ извлекать выгоду. Я его встрѣчалъ у Марьи Осиповны Асланбековой, съ которой онъ давно уже водилъ тѣсную дружбу. Пршлымъ лѣтомъ я жилъ, по обыкновенію, у себя въ „Озеркахъ“. Кто не знаетъ этотъ благословенный уголокъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ благодатномъ оазисѣ трехъ озеръ, между Лѣснымъ, Коломягами и с. Парголово, прорѣзываемый двумя дорогами: Финляндской желѣзной и Выборгскимъ шоссе, и окаймленный двумя громадными старыми парками: Шуваловскимъ и Удѣльнымъ. Уголокъ этотъ возникъ весьма недавно, чрезвычайно быстро обстроился и овладѣлъ всеобщей симпатіей. Оптимисты предсказывали, что со временемъ онъ сдѣлается соперникомъ Павловску. Въ его вокзалѣ играли оркестры, дирижируемые Главачемъ, Флиге и Энгелемъ, и привлекали многочисленную публику; но покупка вокзала увеселительною компаніею трехъ генераловъ

положило конецъ развитію счастливаго уголка, и „Шувазово“ зажило буржуазною жизнью. Ни елагинскій пуантъ, ни крестовскій яхтъ-клубъ съ его гонками, ни новодеревенскіе театры-вертепы, ни Павловскій вокзалъ, ни Петергофскія и Царскосельскія скачки не нарушаютъ здѣсь мирнаго сна дачника, желающаго возстановленія силъ, свободы и покоя: все далеко и несподручно. Здѣсь можно только гулять, купаться, удить рыбу и кататься на лодкѣ. О театрѣ и музыкѣ, стоящихъ здѣсь, теперь, на невысокой степени развитія, даже не говорятъ. Вотъ сюда-то, прошлымъ лѣтомъ, по совѣту доктора, переѣхала на дачу и Марья Осиповна Асланбекова.

Я бывалъ у ней по сосѣдству запросто, узналъ короче Тодора Тодоровича и оцѣнилъ по достоинству беззабѣтную, незнавшую границъ, словомъ, неземную привязанность къ нему Марьи Осиповны.

Марья Осиповна принадлежала къ числу натуръ экзальтированныхъ, самолюбивыхъ, сильныхъ и крайне самонадѣянныхъ. Она была единственная дочь богатаго новороссійскаго помѣщика, воспитывалась въ Смольномъ, кончила курсъ съ золотою медалью и, потерявъ вскорѣ мать, сдѣлалась полновластной хозяйкой въ домѣ старика отца, извѣстнаго въ свое время лихого черноморьяка, любившаго свою ненаглядную Марусю до безумія. Живая, бойкая, начитавшаяся романовъ, Маруся хотѣла жить полною жизнью и не найдя для себя идеала въ провинціи, убѣдила отца переѣхать съ нею на жительство въ Петербургъ. Здѣсь она встрѣтилась случайно съ Тодоромъ Тодоровичемъ и полюбила его со всею

страстностью южной натуры, искренно и всецѣло предавшійся порыву первой страсти.

Молодые люди познакомились, сблизились, подружились, и наконецъ, объяснились въ любви. Добровъ не теряя времени обратился къ отцу и просилъ руки богатой красавицы невѣсты. Но старикъ Асланбековъ не особенно жаловалъ молодаго румеліота, неизмѣвшаго, по его мнѣнію, никакихъ правъ на обладаніе его дочерью. Послѣ долгаго раздумья, послѣ нѣсколькихъ попытокъ образумить свою упрямую Марусю, онъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы бракъ состоялся не ранѣе, какъ черезъ годъ, когда Тодоръ Тодоровичъ устроится такъ или иначе въ обществѣ.

Юный болгаринъ не хотѣлъ подчиниться подобному рѣшенію; онъ былъ не изъ тѣхъ, у кого легко вырвать изъ рукъ захваченную добычу. Посѣщая домъ на правахъ жениха, въ два-три мѣсяца онъ овладѣлъ умомъ пылкой дѣвочки совершенно и достигъ полнаго ея подчиненія.

Старикъ Асланбековъ не пожелалъ быть свидѣтелемъ нравственнаго униженія своей дочери и уѣхалъ въ помѣстье, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Наслѣдство перешло въ руки Тодоръ Тодоровича, и онъ, конечно, съумѣлъ распорядиться имъ по своему. Вопросъ о бракѣ палъ самъ собою, да и не такое тогда было время, чтобы поднимать вопросъ о бракѣ. Марья Осиповна начала посѣщать Бестужевскіе курсы, и предалась занятіямъ. Добровъ жуировалъ, но не покидалъ и ее, такъ какъ у ней было еще кой что уцѣлѣвшее отъ громаднаго когда-то состоянія.

Она отдавала ему все, что имѣла, отказывая себѣ въ самомъ нужномъ, проводила дни и ночи за работою, переводила многотомные трактаты иностранныхъ ученыхъ о воспитаніи, писала отчеты о трудахъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ, сочиняла дѣтскія книги. Ея труды стали обращать на себя вниманіе публики, критика заговорила о нихъ и матеріальное ея положеніе до извѣстной степени упрочилось.

На дачу она переѣхала, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и зимой снова приняться за усиленный трудъ. Ей улыбалась уже надежда зажить безъ нужды, тѣмъ болѣе, что и самъ Тодоръ Тодоровичъ не сталъ уже такъ безпощадно вымогать у нея денегъ.

Но Тодоръ Тодоровичъ, переставъ вымогать деньги, сталъ болѣе равнодушно относиться къ прелестямъ своей эксъ-невѣсты. Визиты его значительно сократились и съ каждой недѣлею онъ сталъ все рѣже и рѣже бывать у прелестнѣйшей Марьи Осиповны. На глазахъ ея появились слезы, слезы обманутой любви, слезы самыя обильныя и самыя жгучія. Упреки, жалобы и вздохи смѣнили такъ часто раздававшійся въ уютной дачкѣ смѣхъ. Лѣто—это чудное, жаркое, красное лѣто полетѣло быстро, и еще быстрѣй уносило ея молодое, такъ много общавшее и бурями страстей, до сихъ поръ, не омраченное еще счастье.

Наступилъ августъ. Семейные дачники потянулись въ городъ, чтобы дать дѣтямъ возможность посѣщать учебныя заведенія. Безсемейные же продолжали наслаждаться послѣдними днями столь рѣдкаго въ Петербургѣ теплаго и ведренаго лѣта. Сяжу я какъ-то утромъ за

чайнымъ столомъ на балконѣ своей дачи и пробѣгаю газеты. Вдругъ кто-то позвонилъ у парадныхъ дверей. Жанъ-Жакъ бросился отворить двери, въ столовой зашуршало шелковое платье, и мальчикъ робко доложилъ мнѣ, что пришла Марья Осиповна и желаетъ меня видѣть.

— Марья Осиповна! и такъ рано! теперь еще нѣтъ 10-ти часовъ!.. гдѣ-жъ она?

— Въ серебряномъ кабинетѣ.

— Попроси подождать... и дай мнѣ скорѣй одѣваться!

Не успѣлъ я пройти въ спальную и притворить за собой двери, слышу стукъ и окрикъ: „къ чему вы задумали разодеваться, выходите въ халатѣ, какъ есть, вы мнѣ очень, очень нужны!“

— Сейчасъ, Марья Осиповна, мнѣ нужно одѣться, чтобы ѣхать въ городъ.

— Ну, такъ скорѣй же! скорѣе! торопила она меня, стуча въ двери.

Набросивъ на плечи сюртукъ и расчесавъ бороду, я вышелъ къ ней.

— Что случилось?.. вы больны? — спрашиваю я ее, приглашая сѣсть въ кресло, — на васъ лица нѣтъ, такъ вы блѣдны...

— Пойдите, дайте съ силами собраться, я не могу говорить... Я всю ночь плакала какъ ребенокъ, да и теперь, какъ я только вспомню, слезы невольно подступаютъ къ глазамъ, — и она горько заплакала.

— Да что у васъ за горе? расскажите... довыртесь... быть можетъ, я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ...

— Да, да, можете быть полезнымъ... Я затѣмъ и пришла къ вамъ, чтобы вы помогли мнѣ... И она схватила меня за руки, и крѣпко сжимая ихъ, какъ будто кто-нибудь хотѣлъ оторвать ее отъ меня, наклонилась ко мнѣ и вскрикнула: Теодоръ оставилъ меня!..

— Кто вамъ сказалъ это?

— Онъ самъ!

— Что же онъ? влюбился въ другую?

— Нѣтъ.

— Или заговорило въ немъ чувство ревности? возбуждилось подозрѣніе въ невѣрности? нашлись поводы къ неудовольствію?

— Ничего подобнаго не бывало.

— Такъ что же за причина?—И со всей предупредительностью любезнаго хозяина, я усадилъ ее въ кресло.

— Моя бѣдность... У меня ничего нѣтъ,—говорила она, обливаясь слезами...—все что было, я отдала уже ему... Здоровье пошатнулось, я столько работала, столько перенесла... Свѣжестъ блекнетъ... Ему скучно со мной, онъ пресытился... я ему надоѣла!... я ему опротивѣла!... Мое присутствіе тяготитъ его. Мой видъ возбуждаетъ въ немъ досаду и злобу. Вчера вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что еслибы его судъ приговорилъ въ наказанье провести со мной двадцать четыре часа, то онъ выбросился бы въ окно!.. Изъ устъ его я услышала свой смертный приговоръ... Онъ самъ произнесъ его мнѣ и такъ безпощадно... послѣ всего, что я для него сдѣлала!..—И она откинулась на спинку кресла и судорожно захохотала.

Я не зналъ, что дѣлать; ея истерическій нервный

смѣхъ смѣнился рыданіями. Она плакала, кричала, произносила безсвязные звуки, обращалась съ упреками къ небу, кляла день рожденія. Это былъ ураганъ скорби, ужаса и отчаянія и всѣ мои усилія успокоить ее — оказались напрасными. Я передалъ ее на руки женщинъ и удалился. Черезъ нѣсколько времени она позвала меня.

— У меня есть къ вамъ просьба, для нея-то я и пришла къ вамъ... исполните-ли вы ее?

— Если могу.

— Послушайте. Онъ васъ такъ уважаетъ... вы знаете все, что я для него сдѣлала... Я хочу поговорить съ нимъ при васъ... Быть можетъ, онъ постыдится высказаться передъ вами такимъ, каковъ есть. Не думаю, чтобы у него хватило на это духа и безстыдства. Передъ вами онъ сробѣетъ. Почему знать, какъ могутъ подѣйствовать на него мое отчаяніе и ваше присутствіе. Можете вы поѣхать къ нему со мной?

— Извольте.

— Ну, такъ поѣдемъ.

Она была такъ разстроена, что ѣхать съ поѣздомъ желѣзной дороги оказывалось не вполне удобнымъ и я послалъ за экипажемъ. Черезъ часъ мы отправились въ городъ въ каретѣ. Забившись въ уголъ, она всю дорогу молчала, я тоже не тревожилъ ее вопросами. Но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, я замѣтилъ, что въ ней происходитъ страшная внутренняя борьба: она что-то говорила сама съ собой, руки ея дрожали, зубы начинали стучать какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, колѣна бились другъ о друга.

— Вернемся домой, сказалъ я ей участливо, вы нездоровы. Поѣздка эта еще болѣе разстроитъ васъ.

— Да, я стала ужасно нервна, но я должна быть у него,—отвѣчала она съ твердостью,—хочу увидѣться еще хоть разъ съ нимъ... Какъ знать? быть можетъ я умру скоро...

И мы поѣхали.

Въ 12 ч. дня мы вошли въ квартиру Доброва и застали его сидящимъ за телеграммой въ Филиппополь, въ халатѣ и фескѣ. Онъ привѣтствовалъ меня легкимъ движеніемъ руки и продолжалъ свое дѣло. Потомъ всталъ, отправилъ человека подать составленную имъ телеграмму, подошелъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ руку и сказалъ: „вотъ, батюшка, убѣдитесь, насколько наши дамы сумазбродны!.. Зачѣмъ она притащила васъ ко мнѣ?“

Не успѣлъ я отвѣтить ему, какъ онъ обратился съ упреками къ Марѣ Осиповнѣ.

— Что вамъ еще нужно, сударыня, отъ меня? Вѣдь я уже объяснился съ вами. Я сказалъ вамъ, что больше не люблю васъ... Я сказалъ вамъ это съ глазу на глазъ, вамъ желательно, чтобы я повторилъ это при свидѣтелѣ — извольте! Торжественно и всенародно заявляю, что я васъ разлюбилъ, что любовь къ вамъ, когда-то сильная и пламенная, погасла въ моемъ сердцѣ; и можете быть увѣрены, погасла ко всѣмъ женщинамъ вообще. Если-бы я сдѣлалъ подобное заявленіе другой женщинѣ, она не рѣшилась бы меня преслѣдовать своей любовью, а вы!..

— Я желала бы знать, за что вы перестали любить меня?